
Книга двадцатая
Андрей и список Луми
Денис Федотов

Денис Федотов

Андрей и список Луми

https://litres.ru/74837859
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей узнаёт, что Луми хочет успеть исполнить несколько простых желаний до своего возвращения в звёздные ясли. Велосипедная корзинка, бабушкины истории, полёт на самолёте, настоящий школьный урок и падающие звёзды — каждое событие становится особенным. Но Андрею предстоит понять: счастье не измеряется количеством выполненных пунктов. Иногда самые дорогие воспоминания рождаются без планов, когда мы просто находимся рядом с теми, кого любим.

Содержание

Глава 1. Список 4
Глава 2. Расписание 9
Глава 3. Бабушка и Гагарин 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Денис Федотов
Андрей и список Луми

Глава 1. Список

Список диктовали три вечера.

То есть диктовал Луми, а записывала Соня. Андрей сидел рядом и старался ничего не подсказывать. Это было труднее, чем кажется. Каждый раз, когда Луми задумывался, у Андрея на языке вертелось целых пять идей, куда можно сходить и что можно посмотреть. И каждый раз Соня, не поднимая глаз, протягивала руку и клала ему ладонь на рот. Не сильно. Просто напоминала.

Диктовать было сложно. Слов у Луми оставалось совсем мало. Иногда одно за вечер, а иногда ни одного. Поэтому Соня придумала систему. Она перечисляла слова, а Луми мигал. Один раз «да», два «нет», а если свет делался тёплым и начинал переливаться, значит, «тепло, ищи рядом». Как в игре «горячо-холодно». Иногда Луми собирался с силами и сам выталкивал из себя обрывок слова. И тогда все замирали.

В первый вечер они нашли два пункта.

Первый пункт оказался таким неожиданным, что Соня сначала решила, что неправильно поняла. Она перебрала

полсотни слов: море, горы, лес, музей, зоопарк. На всё Луми мигал два раза. А потом она сказала «дорога», и он замерцал. Потом «машина», и он потускнел. Потом «автобус». Потом «поезд». Потом «велосипед». И Луми вспыхнул так, что тени на стене подпрыгнули.

— Велосипед? — переспросила Соня. — Ты хочешь… ездить на велосипеде?

Луми мигнул один раз. А потом, с большим трудом, сказал:

— Корз… инка.

И Андрей вдруг понял. У него был старый велосипед с плетёной корзинкой на руле. Давно уже маленький для него. Он стоял на балконе, и Андрей сто раз собирался отдать его кому-нибудь и сто раз забывал. А Луми, когда сидел на балконе, всегда присаживался именно в эту корзинку. Андрей думал, просто так. Потому что там уютно. А оказывается, Луми все эти годы ждал.

— Ты хочешь покататься в корзинке, — сказал Андрей. — На велосипеде. По настоящей дороге.

Один раз. И сразу ещё четыре, быстро и разноцветно. По Сониной табличке это теперь значило «в список!».

Андрей сидел и смотрел на Луми. Светлячок, который видел чёрные дыры и старые звёзды. Который летал через всю галактику. Который видел туманность Ориона изнутри. И первое, что он захотел в своё последнее лето на Земле, была корзинка на детском велосипеде.

Второй пункт нашли быстрее. Соня сказала «бабушка», и Луми сразу мигнул один раз. А потом полчаса они не могли понять, что именно с бабушкой. Пироги — нет. Дача — нет. Колыбельная — теплее, но не то. Сказка — теплее. История — ещё теплее. История про что?

И тут Луми сказал второе слово за вечер. Очень тихо. Почти светом.

— Га… гарин.

Андрей и Соня переглянулись.

Бабушка очень любила рассказывать про Гагарина. Всегда одно и то же. Как ей было десять лет, как она сидела на уроке и как вдруг все побежали на улицу. Андрей слышал эту историю, наверное, раз пятьдесят, и лет в двенадцать начал закатывать глаза, когда бабушка её начинала. А Луми, оказывается, слушал. Все пятьдесят раз слушал. И хотел услышать ещё.

Во второй вечер они нашли ещё два.

Третий пункт был про папу. С папой тоже было трудно, потому что любое слово про папу Луми встречал тёплым мерцанием, но ни разу не сказал «да». Папа и футбол. Папа и рыбалка. Папа и гараж. Ничего. А потом Андрей, забывшись, сказал вслух:

— Папа же летал. Раньше.

И Луми вспыхнул. Один раз. Ярко. А потом сказал, очень медленно:

— Шту… рвал.

Папа был лётчиком, сколько Андрей себя помнил. Потом стал космонавтом и полгода прожил на станции, и они всей семьёй выходили во двор смотреть, как станция пролетает над Винтеролдом. А когда папа вернулся, он перестал летать. Совсем. Ни на ракетах, ни на самолётах. Андрей не знал почему. Как-то спрашивал, и папа сказал «так вышло» и сменил тему. И фотография, где папа стоит у самолёта и смеётся, переехала со стены в шкаф.

— Ты хочешь, чтобы папа снова полетал? — медленно спросила Соня.

Один раз. И четыре. В список.

Четвёртый пункт был самым странным. Луми захотел в школу. На урок. Настоящий урок в классе Веры Павловны. Летом. Когда никаких уроков нет.

— Он же сто раз был на уроках, — удивился Андрей. — У меня под капюшоном.

Луми мигнул два раза. А потом собрался и сказал:

— Сам.

И Андрей понял. Под капюшоном — это тайком. А Луми хотел не тайком. Он хотел сам. На своём месте. Как ученик.

В третий вечер нашли последний, пятый. Этот нашла Соня, потому что она сообразила спросить про небо.

— Звёзды? — Нет. — Луна? — Нет. — Облака? — Нет. — Закат? — Теплее. — Падающие звёзды?

И Луми запереливался так, что Соня засмеялась.

— Ты же их видел! — сказал Андрей. — Ты же сам в кос-

мосе… ты их изнутри видел!

И Луми, собрав последние силы за вечер, сказал:

— Снизу.

С Земли. Как смотрят люди. Лёжа на траве. Задрав голову.

Соня переписала список начисто, красивым почерком, на отдельный лист, и повесила на холодильник рядом с Витькиным календарём.

«СПИСОК ЛУМИ.

Покататься в корзинке на велосипеде.

Бабушка рассказывает про Гагарина.

Папа снова за штурвалом.

Настоящий урок у Веры Павловны. САМ.

Падающие звёзды с Земли».

Пять пунктов. Всего пять. Ни моря, ни гор, ни музеев. И ничего, что нельзя сделать прямо тут, рядом, в их собственной жизни.

Папа подошёл к холодильнику за кефиром, прочитал список и остановился. Он долго стоял с открытой дверцей, и из холодильника тянуло холодом, а он всё стоял и смотрел на третий пункт. Потом закрыл дверцу. Без кефира.

И ничего не сказал.

Глава 2. Расписание

Пять пунктов — это было слишком просто.

Так решил Андрей. Не сразу. Дня через два. Сначала он просто радовался, что список есть и что его составил сам Луми. А потом посмотрел на календарь. На сто с лишним клеточек. И на пять пунктов. И подумал: а остальные сто дней что?

И сел составлять расписание.

Он сидел над ним весь вечер. Компьютер, таблица, цветные клеточки. Он даже списал у Сони идею с цветами. Зелёным — пункты из списка Луми. Жёлтым — то, что Андрей придумал сам, «в дополнение». К концу вечера таблица была почти целиком жёлтой.

Планетарий. Музей космонавтики. Зоопарк, потому что Луми никогда не видел жирафа. Поход с ночёвкой. Фейерверк на День города. Ботанический сад. Концерт органной музыки, потому что Андрей где-то читал, что орган звучит как космос. Катание на кораблике. Карусель. Выставка минералов. Смотровая площадка на телебашне. Рассвет на крыше.

По три дела в день. Иногда четыре.

Утром он распечатал таблицу и повесил на холодильник. Рядом со списком Луми. Таблица была раза в четыре больше списка и частично его закрывала.

Мама посмотрела на таблицу и подняла брови.

— Андрюш, — сказала она осторожно. — А ему не тяжело будет? Нэя же сказала беречь силы.

— Это же не полёты, — сказал Андрей. — Это просто тут, на Земле. Он будет у меня на плече. Он только смотреть будет. Мам, ну ты пойми, ему же надо всё увидеть. Всё, что есть. Пока можно.

Мама ничего не сказала. Но взгляд у неё был такой, что Андрею стало неуютно. Он уже знал этот взгляд. Так смотрела Соня в Тельце.

Но он сделал вид, что не заметил.

Первая неделя расписания прошла хорошо. Почти. В планетарии Луми сидел у Андрея под капюшоном и смотрел на нарисованные звёзды на куполе, и Андрей не мог понять, нравится ему или нет. В музее космонавтики Луми долго смотрел на настоящий спускаемый аппарат, обгоревший, чёрный, и тихо мерцал. В зоопарке было жарко, жираф спал в тени, а Луми тоже заснул, ещё на входе.

На второй неделе Луми стал спать почти везде.

В ботаническом саду. На кораблике. На выставке минералов. На смотровой площадке, куда Андрей стоял в очереди два часа. Андрей поднимался на лифте, сердце у него колотилось, и город внизу был крошечным, как игрушечный, и Андрей шептал: «Смотри, Луми, смотри». А Луми спал. И свет у него во сне был совсем слабым, как на старой батарейке.

А потом был велосипед.

Пункт номер один. Зелёная клеточка. Андрей поставил его в расписании на субботу, между выставкой и концертом. С четырёх до пяти. Маршрут: через парк до набережной и обратно. Он даже вытащил старый велосипед заранее, накачал колёса и поднял седло до самого верха.

В субботу в четыре пошёл дождь.

Не сильный. Мелкий, тёплый, летний. Но дождь. Андрей стоял у подъезда с велосипедом и смотрел в небо, и смотрел на часы, и снова в небо. В пять у него был концерт. Билеты куплены. Перенести велосипед было некуда: в воскресенье стояла телебашня и рассвет на крыше, а в понедельник…

— Ничего, — сказал Андрей Луми. — Это же чуть-чуть. Зато все дома сидят, вся дорога наша.

Он посадил Луми в корзинку и поехал.

Ехать было неудобно. Велосипед был маленький, колени бились о руль. Дождь стучал по капюшону. Андрей крутил педали изо всех сил, потому что до набережной и обратно надо было успеть за час, а ещё переодеться перед концертом. Он смотрел на дорогу, на лужи, на часы на руке. На Луми он не смотрел.

А когда посмотрел, уже на обратном пути, у самого дома, то чуть не упал.

Луми сидел в корзинке мокрый, маленький и совсем тусклый. Синий. Не синеватый, а синий, как небо в сумерках. И не спал. Он смотрел на Андрея.

Андрей скинул с себя куртку и завернул в неё корзинку. Руки у него дрожали.

— Прости, — сказал он. — Луми, прости. Я не смотрел. Я…

Он не договорил. Потому что и сам не знал, что он. Он выполнял расписание. Он ставил галочку в зелёной клеточке. Пункт номер один. Выполнено.

На концерт он не пошёл. Он сидел в своей комнате и сушил Луми на полотенце, под настольной лампой. Хотя Луми, наверное, и не нужно было сушить. Свет ведь не мокнет. Но Андрею надо было что-то делать.

Вечером пришла Соня. Она посмотрела на Луми. Потом на Андрея. Потом достала из сумки зелёную тетрадку, открыла на последних страницах и молча положила перед ним.

Там были кружочки. Каждый день. С начала июля. И начиная с того дня, когда на холодильнике появилось расписание, кружочки становились всё бледнее. И всё синее.

— Я тебе не говорила, — сказала Соня. — Потому что ты был такой счастливый. С этим расписанием. Но, Андрей…

— Я знаю, — сказал Андрей. И сам удивился, каким усталым был его голос. — Я опять. Я снова решил за него. Я его не спросил. Я думал, надо всё успеть. Всё, что есть. А он… Он просил корзинку. Одну корзинку. А я его в ней везу под дождём, по часам, и даже не смотрю на него.

Соня помолчала.

— Ты не опять, — сказала она наконец. — В Тельце ты

хотел его себе. А сейчас ты хотел ему всё. Это разное. Просто… ну, слишком всё.

Андрей посмотрел на расписание. Потом встал, сходил на кухню, снял расписание с холодильника и аккуратно сложил вчетверо. Выбрасывать не стал. Просто убрал в ящик. Под учебник по алгебре.

И список Луми остался на холодильнике один. Пять пунктов. Всего пять.

А в первом пункте Андрей взял и стёр галочку. Потому что это было нечестно. Это было не то. Это была не корзинка. Это была галочка в расписании.

Луми, высохший на полотенце, слабо мигнул три раза. И уснул.

Глава 3. Бабушка и Гагарин

В понедельник утром светило солнце.

Андрей проснулся рано, ещё до будильника, которого, впрочем, больше и не было: вместе с расписанием он отменил и будильник. Он полежал, глядя в потолок, на котором дрожали солнечные зайчики от открытой форточки. Потом посмотрел на стол. Луми не спал. Он сидел на Столпах Творения и смотрел на Андрея, и свет у него был тёплый, утренний, жёлтый, как яичница.

— Поедем? — спросил Андрей. — Просто так. Никуда. Без часов.

Луми мигнул один раз.

Андрей вывел велосипед во двор. Было ещё совсем рано, дворник поливал из шланга клумбы, и в воздухе пахло мокрым асфальтом и липой. Андрей посадил Луми в корзинку и поехал. Медленно. Совсем медленно. Колени по-прежнему бились о руль, но это было даже смешно. Он не выбирал дорогу. Он просто ехал туда, куда хотелось. Через двор. Мимо песочницы, где на бортике лежала забытая Тёмина лопатка. Мимо школы, тихой, пустой, с открытыми окнами, из которых пахло свежей краской. Через парк, где на скамейке спал рыжий кот. По дорожке вдоль пруда, где плавали утки и где солнце отражалось в воде так ярко, что приходилось щуриться.

И всё время он смотрел на Луми.

Луми сидел в корзинке и светился. Не ярко. Но так, как Андрей давно его не видел. Свет у него переливался, как переливается вода, когда по ней едешь на лодке. Ветер дул ему навстречу, и Луми подставлял ему свой свет, и свет трепетал и вытягивался назад длинным золотым хвостиком, как у кометы. На каждой кочке Луми подпрыгивал в корзинке, и каждый раз вспыхивал. Андрей сначала испугался. А потом понял: это Луми смеётся. Как смеются малыши на качелях, когда сердце ухает вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.